Светлана Устелимова

ЛЮБОВЬ К ДЕНЬГАМ И НЕ ТОЛЬКО

Светлана Устелимова

Любовь к деньгам и не только

https://litres.ru/48536435
SelfPub; 2026
ISBN 978-5-532-95843-2

Аннотация

Рассказы о наших современниках, разных людях, которые оказываются в драматических ситуациях. Этим людям приходится проверить на прочность человеческие отношения: любовь и дружбу. Честность и порядочность время от времени пересекаются с подлостью, искренность с предательством, самоотдача с эгоизмом. Во всех рассказах сила духа помогает справиться с любыми обстоятельствами. О героях рассказывается тепло и с любовью.

Буду благодарна вам за отзыв!

Содержание

Невоспитанные крокодилы 4
Осень Прохора Потугина 23
Призвание 29
Девушка с ядром 33
Прости меня, Дэзи… 38
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Светлана Устелимова
Любовь к деньгам и не только

Невоспитанные крокодилы

Мой папа всю жизнь занимался наукой. Он экономист – теоретик. Окончил университет, аспирантуру и остался здесь же, в университете, преподавать. Со временем стал выдающимся учёным, известным не только в России. Сейчас он доктор наук, профессор, декан экономического факультета. Мамочка тоже преподавала в университете, она филолог – германист.

Нигде я не видела такой дружной семьи, как наша, таких любящих друг друга людей, как мои родители. И это несмотря на то, что мама старше отца почти на пять лет. Многие удивлялись, что он в ней нашёл. Думаю, его привлекла врождённая мамина весёлость: она и потом, в солидном возрасте, на серьёзной должности, была хохотушкой, шутницей и большой любительницей поговорить. Не зря в ней души не чаяли её студенты. Самых любимых, самых талантливых она и в глаза и за глаза называла «крокодилы»: «Мои крокодилы сегодня что учудили!» Даже удивительно, что темой

своей диссертации мама выбрала немецкий романтизм, который мне всегда представлялся мрачноватым.

И характером, и лицом я похожа на мать. По сравнению с папой, у нас довольно заурядная внешность. Мой папа очень импозантный мужчина, высокий, спортивный. Мама в молодости тоже была, конечно, хорошенькой – все юные девушки хорошенькие, а потом стала самой обыкновенной женщиной с простым русским лицом.

Некоторые наши знакомые иногда намекали маме, что у такого интересного, интеллигентного, к тому же состоятельного мужчины как Владимир Николаевич просто не может не быть романов на стороне. Мама всегда отшучивалась:

– Это я его любовница! А жена у него одна, любимая и единственная, и звать её Экономическая Теория.

Действительно, отец нежно и трепетно относился к мамочке, и слишком любил свою науку, в его душе для всяких глупостей просто не оставалось места. В свою очередь, мама окружила отца теплом и заботой, которые очень нужны каждому выдающемуся учёному, ведь мелочи быта так мешают парить в высоких сферах.

Это, однако, совсем не значит, что папа не заботился о семье. Напротив, наша семья всегда была довольно обеспеченной. Папа работал как вол. В трудные девяностые годы он, помимо лекций в университете, брался за консультирование разных фирм. В те же годы папину монографию впервые издали за рубежом – сначала перевели на несколько ев-

ропейских языков, а потом даже на японский. А началось всё с того, что мама по собственной инициативе сделала перевод его статьи на немецкий и без спроса отправила в один из престижных германских журналов по экономике – сюрприз такой придумала, порадовать хотела.

В двухтысячные папа недолго работал в госструктурах, но не удержался. Он говорил: «Я слишком хорошо вижу, как разворовывают государственные деньги, и смотреть на это не могу. Только изменить систему не в моей власти, да и не борец я за нравственность – каждый живёт так, как ему совесть позволяет». Если б папа не ушёл с госслужбы, то, наверное, мог бы стать министром.

Я была единственным ребёнком в семье. Пошла по маминым стопам – стала лингвистом. После университета поехала на двухгодичную стажировку в Германию, вышла там замуж и осталась в Гамбурге. Конечно, мы регулярно созванивались с родителями, по скайпу общались, ездили изредка в гости, но этого, конечно, мало. Детей у нас с Питером пока не было, да мы и не торопились – в Германии детьми обзаводятся поздно, когда создан надёжный экономический фундамент семьи.

Очень тосковала без меня моя мама. Она никогда так не принадлежала науке, как папа. Половину своей души – если не больше! - она всё равно отдавала семье. Когда наступил пенсионный возраст, решила уйти с работы, как раньше говорили «на заслуженный отдых», хотя её подружки-ро-

весницы ещё крепче стали держаться за свои рабочие места. «Надо давать дорогу молодым», – заявила мама. Это, конечно, нисколько не объясняло мотивы её поступка, однако мы все приняли её выбор. Но, конечно же, он усугубил мамино одиночество.

В начале марта мама позвонила мне по телефону. Едва я успела сказать: «Привет», она выпалила:

– Доченька, мы с папой решили усыновить ребёнка!

Я даже опешила. Мне-то казалось, что она о внуках мечтает.

– Ты, слава богу, хорошо устроена в жизни, а мы с папой ещё полны сил, – мама говорила быстро, без запинок, из чего я догадалась, что она всю ночь придумывала эту речь. – И нам веселее будет, и человек в семье вырастет.

– Вы уже о конкретном ребёнке говорите или так, вообще, чисто теоретически? – спросила я, когда немного смогла переварить эту новость.

– Пока ходим присматриваемся... Возьмем кого-нибудь постарше, чтобы успеть его на ноги поставить, мы ведь с папой уже немолодые. Да и с пелёнками возиться что-то не очень хочется.

– Решайте сами.

– Нет, ты скажи, ты не против? Для меня это очень важно!

Я пожала плечами.

– Берите! Вам же с ним жить!

Действительно, зачем меня спрашивать? Я давно отрезан-

ный ломоть. А так-то всё я понимаю: и подступившее мамино чувство одиночества, и море неизрасходованной любви, и переполняющее её душевное тепло, которые, конечно, сделают счастливым какого-нибудь обездоленного человечка.

Прошло совсем немного времени – недели две, наверное. Мы связались друг с другом по скайпу. В гостях у мамы была её подруга Виолетта Олеговна, которая работала главным редактором в молодёжном журнале. Я знаю Виолетту с раннего детства – красивая женщина, умная, успешная, а мужья у неё долго не задерживались – бросали. В конце концов она решила посвятить себя единственному сыну, Павлику.

– Видела фотки? – спросила меня мама.

– Конечно, видела, – ответила я. Фотографии мама прислала мне по электронной почте, и я их посмотрела сразу. – Там два мальчика. Вы решаете, кого из них выбрать?

– Видишь, дочка, как получилось, – мама начала неуверенно. – Мы уже выбрали того, что поменьше – Егорку. Он нам с папой очень понравился, живой такой, ласковый. Стали оформлять документы, и вдруг у него объявился брат, звать Саша, десять лет.

– Совсем с ума сошли! – вклинилась в разговор Виолетта. – Никак не могу отговорить твоих родителей от этой затеи! Скажи хоть ты им, может, тебя послушают!

– Виолетта, ну что ты так категорично? – мама спросила мягко. Она любила свою подругу, хотя часто с ней спорила.

– Не подумайте, что я против усыновления детей! – с па-

фосом произнесла Виолетта. – Усыновлять можно, а иногда даже и нужно – если сиротой оказался ребёнок ваших близких родственников. Но взять из детдома! – в голосе Виолетты звучала неприкрытая и необъяснимая злоба.

Даже мне стало как-то неприятно, что уж говорить о маме.

– Виолетта, разве так можно? Это ж дети! – мама попыталась урезонить подругу.

– Ты думаешь, что они там такие же, как студенты в твоём институте – красивые, умные и талантливые? А вот и нет! Мне приходилось с ними по журналистским делам встречаться. Там, в этих приютах, сплошь дебилы и выродки! У меня там кошелёк стибрили, я даже ахнуть не успела. Вы с этими детдомовскими наплачетесь, вот помяните мое слово!

Я смотрела на Виолетту с жалостью. Сейчас я давно взрослая девочка и уже прекрасно понимаю, что дело вовсе не в украденном кошельке, а общей разочарованности детьми. Павлик у неё, мой ровесник, – объект непомерных материнских забот. В детстве мать делала для него всё: и в музыкальную школу водила, и на английский к репетитору, и ещё бог знает куда. Вырос – не алкаш, не наркоман, слава богу, но и ни к чему интереса нет, как говорится, не пришей кобыле хвост, слоняется то там, то сям, а годы идут.

Конечно, в чём-то Виолетта была права. Даже собственные дети не всегда становятся такими, какими хотели бы видеть их родители. Растишь-растишь, и неизвестно ещё, что получится. А тут чужие, с неизвестной генетикой.

Мы поговорили ещё о том-о сём. Потом Виолетта снова вернулась к той же теме, с другой стороны взялась.

– Вы поймите, когда один ребёнок в семье, не будет никаких споров и конфликтов по поводу наследства. А ведь сейчас время какое, посмотрите вокруг: за квартиру сын отца убивает, брат – брата.

Мама моя даже растерялась.

– Я об этом как-то даже не подумала... – промямлила она.

– А зря не подумала! – продолжала давить Виолетта.

И всё это мне не понравилось: появилось ощущение, будто про меня - наследницу думают: «Только и ждёт, когда родители на тот свет отправятся, чтобы наследство к своим рукам прибрать». Если до сих пор я колебалась: поддержать Виолетту или нет, то тут высказалась.

– Мамочка, ничего мне не надо! Вы с папой уже всё дали мне, что могли. Вы и приёмным детям всё дадите, я знаю.

– Делайте что хотите, – сдалась Виолетта Олеговна. – В случае чего можно назад в детдом сдать.

На оформление документов ушло примерно полгода. Мальчиков привезли домой уже в конце лета. Стали все понемножку привыкать друг к другу. Я хотела приехать, познакомиться с новыми родственниками лично, но дела не пустили, да и далеко, заграница всё-таки. Общалась с мальчиками по интернету. Егорка, парень шести лет от роду, был очень обаятельным, крепыш и болтушка, никого нисколько

не стеснялся и уже через пятнадцать минут разговаривал со мной так, будто знал меня всю жизнь. Александр – мальчик совсем другой – высоконький, хрупкий, ресницы длинные, ей-богу, Маленький принц да и только. Замкнутый мальчик, тихий, неулыбчивый. Когда его подозвали к компьютеру, чтобы со мной познакомиться, стоял молча, опустив голову, отвечал только «да» и «нет». Со временем, однако, я с ним тоже подружилась.

Так вот мы и общались – по телефону да по интернету. Я живо интересовалась всем, что происходит в семье – как-никак самые близкие мне люди, но ничего своими глазами не видела – всё знаю только по рассказам: то мама поделится, то папа, то сами мальчишки проболтаются.

В первый же день домашней жизни, оказалось, что мальчики совсем, ну совсем не знали некоторых простых вещей. Егорка случайно разбил сырое яйцо и испугался, когда оно растеклось по полу.

– Что с яйцом? – вскрикнул он.

– Разбилось, бывает, – ответила мама спокойно.

– Почему оно такое? – снова спросил он с отвращением.

– Жидкое? – догадалась мама. – Яйца всегда такие.

– А нам в детдоме давали на завтрак твёрдые. Они не растекались.

Маме пришлось рассказывать, что такими, крутыми, становятся варёные яйца, и даже продемонстрировать эксперимент – сварить яичко в кастрюле.

Папа выделил мальчикам небольшую сумму на карманные расходы, перед этим строго побеседовал, что ничего без разрешения из дома выносить нельзя. Воровства, слава богу, не было. На что дети тратят деньги, мама не спрашивала – в нашей семье привыкли доверять друг другу. Однако очень скоро она нашла у малыша Егорки пачку от сигарет.

– Ты что, куришь? – изумлённо спросила она. Ей просто не могло прийти в голову, что курит шестилетний ребёнок.

– Его мамка с трёх лет приучила. У него уже стаж, – смеясь, сказал Саша.

Так первый раз всплыла их родная мать. Маленький-то почти её не помнил, смутно очень, а старший помнил отлично, только вспоминать хорошего нечего было. Мама моя специально детей не расспрашивала об их додетдомовской жизни, но нет-нет, что-нибудь невзначай мальчики и расскажут – такое, от чего нормальному человеку может плохо стать. Со мной мама этими историями не делилась – не знаю почему. Даже об этом случае с сигаретами мне рассказал папа. Он ещё смеялся над тем, какую мама проявила твёрдость.

– В нашем доме никто курить не будет, – заявила она детям и забрала сигареты.

В тот же день Егор задал жару всем домашним. У него к вечеру началась истерика, он швырял стулья, орал и плакал.

– Ненавижу, ненавижу! – кричал он маме. – Отведи меня назад!

Мама беспомощно расплакалась, а Сашка сказал:

– Дай ему сигаретку, и он успокоится. В детдоме даже воспитатели давали.

Слезы у мамы на глазах сразу высохли.

– Ну уж нет. Это больно, но это надо перетерпеть. – Она пристально вгляделась в Сашу. – Младший курит, а ты?

Сашка только опустил глаза.

Родителям пришлось пережить несколько недель ада. Мамочка проявила настойчивость, терпение и даже жёсткость — она-то, такая добрая, такая мягкая!

По осени отдали детей в школу. Очень быстро себя показал тихоня Саша. Он оказался не по годам сексуально активным. В той среде, в которой они росли, половая жизнь не была чем-то сокровенным, глубоко личным, а наоборот выставлялась напоказ, сексуальными подвигами окружающие его люди хвастались. Однажды маму вызвала в школу завуч. Оказалось, что на Сашу жалуются девочки, потому что он их лапает за интимные места. Завуч рассказала такие подробности, что мама чуть от стыда не сгорела.

Саша казался таким маленьким и жалким, однако нужно было поговорить с ним серьёзно. Мама не знала, с какой стороны подойти, и попросила папу. Что именно говорил папа мальчику, мы не знаем, важен результат — жалобы в школе прекратились.

Другой раз Санёк задал всем беспокойства и подарил две бессонные ночи, когда через полгода исчез из дома, его ис-

кали с милицией, всех на уши подняли. Потом он сам объявился. Долго не признавался, где был, но мамочка всё-таки расспросила его. Оказалось, у него в детском доме остался приятель, даже не приятель, а лучший друг, Игорь, и Сашка поехал, чтобы ему мобильник подарить — отдал свой сотовый. Этот Игорёк, оказывается, всегда мечтал о телефоне.

Учился Александр хорошо, а вот малыш Егорка оказался неспособным к учению. Если честно, мама вынуждена была это признать, мальчик просто не отличался большим умом. Он был веселым, живым, подвижным, но не интеллектуалом, увы. В нашей профессорской семье это было так странно. Однако все Егорку любили, ну такой он, что теперь сделаешь. Мама, конечно, пыталась ему дать хоть какое-то приличное образование, читала ему Метерлинка на ночь, в театр водила, но всё это его мало интересовало.

Наблюдая за Егоркой, мама поняла, что его нужно отдать в спорт. Она спросила напрямик:

– Каким видом спорта ты бы хотел заниматься?

Он уверенно, ни минуты не раздумывая, ответил:

– Боксом!

Мама за сердце схватилась: столько видов спорта, а он выбрал самый жестокий!

– Может, лучше плаваньем? – она робко попробовала переубедить мальчика.

Он взглянул на неё с презрением и ничего не ответил.

Мама переломила свой страх, свое отвращение к боли и

привела его в секцию бокса. Егор очень понравился тренеру — ростом небольшой, а мышцы железные и реакция хорошая. Сначала мальчик в платной секции занимался, а потом тренер его в бесплатную группу перевёл — для перспективных. Мама забирала Егора с занятий, валерьянки накушавшись. После каждой тренировки у него то синяк под глазом, то нос распух, то губа разбита. На первых соревнованиях, в которых участвовал Егор, мама зажмуривалась после каждого удара, и утешило её только то, что Егорка победил.

Как ни странно, с первых дней совместной жизни очень тяжёлые отношения сложились в семье между братьями. Они не жили друг с другом с тех пор, как их забрали из семьи. Что это было: ревность? страх, что тебя могут разлюбить? неуверенность в том, что ты такой как есть, со всеми достоинствами и недостатками, для кого-то – самый лучший? Кто ж его знает. Только дрались они по каждому пустяку. Причём били друг друга безжалостно, беспощадно, будто от этого зависела вся их жизнь.

Однажды такой инцидент произошел на маминых глазах. Дети поссорились из-за пустяка: пульт не поделили от телевизора, не смогли договориться, какой канал вместе смотреть. Завязалась потасовка: возня, вопли. Мама выглянула из кухни в фартуке – она там мясо резала для плова – и видит: Егор сидит на старшем брате, повалив его на диван, изо всех сил лупит, у того злые слёзы по щекам текут.

– Прекратите немедленно! – крикнула мама.

Наконец, Саша вывернулся, вскочил и помчался на кухню. Раскрасневшийся Егор стоял спокойно, с гордым чувством победителя. Мама только открыла рот, чтобы сделать ему внушение, как вернулся в комнату Саша. В руках у него был нож – тот, которым мама только что работала, самый большой, самый острый нож в доме. Александр подскочил к брату и замахнулся.

Мама закричала:

– Саша, стой! Дети, дети! Что вы делаете? Остановитесь!

Мальчики не слышали, не реагировали. Ужас. Внезапно мама замолчала, схватилась за грудь и осела на пол. Она потеряла сознание.

С инфарктом маму увезли в больницу. Трое суток она находилась между жизнью и смертью. Мне по телефону сообщила обо всём Виолетта, даже не папа.

– Ему самому присмотр нужен. Я его кое-как сегодня из больницы домой отправила – он не спал всё это время, дежурил там. А маму твою обещали сегодня в общее отделение перевести, ей уже лучше, слава тебе Господи, – и я услышала в трубке, как Виолетта сморкается.

Он была так расстроена, что даже промолчала в тот раз, какую роль сыграли в этой истории Егор и Саша, ни словом не упрекнула: «Я же вас предупреждала!» Все подробности я узнала потом только дома.

– Да, да! Еду немедленно!

Ближайшим рейсом я вылетела из Германии. В аэропорту

меня никто не встретил, домой добиралась на такси. У меня был свой ключ от дома, и я даже приготовила его заранее, положила поближе – в сумочку с документами, но в подъезде вдруг разволновалась – не могу найти, хоть убей, всю сумку перерыла. Тогда я позвонила в дверь. Слышу шаги, шаркающие такие, старческие, даже удивилась: кто бы это мог быть? Открывает – папа! Ссутулился, совсем почернел от горя, глаза тусклые. Я его таким потерянным и одиноким никогда не видела. Обнялись мы. У меня глаза слезами застлало, а всё-таки вижу: за нами наблюдают. Я комок в горле проглотила, нечего нюни разводить, и позвала:

– Идите сюда скорее, братва! Знакомиться будем!

Егорка сразу выскочил, а Сашенька чуть погодя. Оба понурые, невесёлые.

– Я Лиза! – сказала я. – Узнали?

– Узнали! – с мелькнувшей, но быстро погасшей радостью откликнулся Егор.

– По скайпу вы старше, - сказал Саша.

– Говорите мне «ты»! – попросила я детей. – А теперь я бы что-нибудь съела! Папа, что у вас есть?

Папа посмотрел на меня удивлённо, по-моему, он только сейчас вспомнил, что давно ничего не ел.

– Не знаю. Виолетта, кажется, что-то привозила. Спроси у детей.

Я взглянула на мальчишек и мне не понадобилось ничего спрашивать – дети были голодные. Папа просто забыл, что

их нужно кормить, а они, чувствуя свою вину, не лезли на глаза, прятались по углам, притихшие, как говорится тише воды ниже травы, и ничего не просили.

– Так, не плачьте! Мы сейчас по-быстрому что-нибудь придумаем, да? – сказала я.

Честно говоря, я планировала выпить кофе и сразу рвануть в больницу к маме, а пришлось срочно кормить домочадцев. Когда мы сели за стол, я пыталась как-то разговорить всех, дух поднять: маме-то лучше! её уже перевели в общую палату! Но разговор быстро затухал.

– Сколько времени? – наконец, спросила я. – Собираемся в больницу!

Мальчики переглянулись между собой.

– Нет! – неожиданно резко сказал папа. – Дети останутся дома.

Я не совсем поняла, чем вызван такой его тон, но возражать не стала. Уже в машине отец рассказал мне, как всё было.

– Если б мы их не усыновили, наша мама была бы здорова! – сказал он дрожащим голосом. – Конечно, я привык к этим мальчикам – к кошке и то привыкаешь – только больше всего на свете я боюсь потерять нашу мамочку! Я просто не смогу без неё!

Что я могла сказать? Я даже привыкнуть к этим парням ещё не успела.

Мы подошли к маминой кровати. Мама лежала белая-бе-

лая, как будто из неё всю кровь выпустили. Увидела меня, улыбнулась слабо. Я присела на краешек кровати, взяла её за руку.

– Как хорошо, оказывается, болеть, даже дочка навестить приехала... – прошелестела она еле слышно, как летний ветерок в листьях.

– Застыдила-таки! – воскликнула я. – А мы вас в гости ждали!

– Да вот, видишь, как получилось…

Она передохнула, а потом обратилась к отцу:

– Володя, ты не забываешь таблетки пить? Некому тебе напомнить. Лиза, ты пока с ними, проконтролируй уж.

– Конечно, мамочка!

Я достала из сумки гостинцы, поправила постель, поменяла маме ночную сорочку, потом побежала искать тазик, чтобы обтереть маму мокрой тряпочкой, освежить. Меня не было минут пять, поэтому разговор с отцом я не слыхала. Папа мне его потом передал.

«Первым делом спросила:

– А как там мои крокодилы?

Я решил, что она про студентов спрашивает, промямлил что-то. Она:

– Я про Сашу говорю и Егора.

– Да что с ними сделается?

Мне даже говорить про них не хотелось.

– Они наши дети, Володенька.

Я промолчал. Я вообще не знал, как быть. Всё это очень тяжело».

– Привезите завтра мальчиков! – попросила меня мама, как только я появилась с тазиком.

На следующий день я взяла их с собой. Зашли в палату, стали в сторонке, испуганные, поздоровались робко, будто с незнакомым человеком.

– Да подойдите же ближе, я ведь соскучилась! – обратилась к ним мама. Она уже сидела, прислонившись спиной к подушке.

Егорка подбежал первый, обнял её, прижался щекой.

– Мама, мама, ты нас назад в детский дом не отправишь? – с ходу спросил, видно давно этот вопрос терзал его, жёг и мучил.

– Какие ещё глупости выдумаете? – с возмущением ответила мама. – Никуда вы от меня теперь не денетесь, даже не мечтайте, невоспитанные вы крокодилы. Будем вас воспитывать. Саша, а ты что не подходишь?

Сашенька, будто с него сняли кандалы, выпустили на волю из тёмной тюрьмы отчаянья, бегом приблизился к маме и уткнулся в её плечо. Так и сидели: курочка Ряба и два птенчика под крылышками.

Понимаю, конечно, что это банально. Когда рассказывают о приёмных детях, всегда трогают подобные сцены. Однако лишь в такие моменты и правда осознаёшь, что родители и дети стали самыми близкими, самыми дорогими друг другу

людьми, которые умеют любить, понимать, прощать.

Я прогостила в родном городе неделю. К счастью, мама быстро пошла на поправку, и я смогла вернуться к своей работе и к своему мужу. Мы снова общались по интернету, но я уже знала, что мы – семья, и мальчики – наша семья.

Папа успокоился, он понял, что дети очень дороги маме, и тоже сумел простить их. Он снова стал относиться к ним так же, как когда-то ко мне – хорошо, по-доброму, но всегда немного отстраненно. Слишком он сам в себе, в своей науке. Перелом в его отношении к мальчикам, по крайней мере, к Сашеньке случился гораздо менее драматично.

Однажды к папе пришел в гости молодой коллега Арен Саркисян, человек темпераментный, горячий, увлечённый своей наукой, как и папа. Они долго сидели в папином кабинете, обсуждали какую-то новую теорию, Арен шумел, спорил, очень энергично что-то доказывал. Мама пригласила гостя к столу. Он и за обедом шумел, продолжая начатый спор. Папа возражал, мама слегка улыбалась, Саша ел молча, с любопытством наблюдая за гостем. В один момент Арен, сверкая красивыми глазами, воскликнул: «Единственное, чёрт возьми, что может спасти ситуацию, - это создание оффшорных зон на Дальнем Востоке! Да сколько ж можно с этим медлить!» да как стукнет кулаком по столу, даже стакан с чаем подпрыгнул и чай расплескался.

Арен смутился:

– Извините, я увлёкся.

Дальше завязался разговор на общую тему, а после ухода гостя Саша подошел к отцу и спросил неожиданно:

– Владимир Николаевич, а что такое оффшорные зоны?

Папа так обрадовался вопросу, что увёл парня в свой кабинет и долго там ему что-то втолковывал. С тех пор Саша стал интересоваться экономикой. Папа был этому безумно рад, не жалел времени, отвечая на его вопросы, даже иногда брал с собой в университет. Папе так, оказывается, этого всю жизнь не хватало — чтобы кто-то дома, в семье разделял его научные интересы.

Вот, пожалуй, и всё, что я хотела рассказать. Вместе прожито ещё не так много времени, впереди вся жизнь. Боже, дай здоровья моим родителям, чтобы они смогли поднять наших мальчиков — воспитать, дать образование, сделать из них настоящих, хороших людей, научить их быть счастливыми. Дай боже. Но если вдруг, не хочется об этом думать, но если вдруг... Тогда я возьму Сашу и Егорку к себе, они же мне не чужие. Они же мне братья.

Осень Прохора Потугина

Прохору Степановичу Потугина редкая удача подвалила. Сидел на вокзале. Всю ночь продремал. Утро уже началось. Люди, пассажиры транзитные, в буфет завтракать подались. Прохор вокруг гладких столиков потёрся. Случается, пирожок не доедят, оставят, или даже котлету – сем не завтрак? Но ничего не нашёл. Прохор Степанович снова сел в кресло. «Через полчаса ещё поищу», - подумал он с надеждой на удачу и закрыл глаза. А тут его по плечу хлоп-хлоп – женщина лет пятидесяти. Аккуратная такая, румяная.

– Дед, не впервой здесь ночуешь?

– А тебе что?

– Не груби. Заработать хочешь?

Денег у старика давно не было. Летом ещё можно жить, деловые люди шабашников набирают – по деревням коровники строить. Ничего, что деду шестьдесят девять лет, зато он мастер на все руки.

– Что делать-то?

– Да пустяки! Айда-ка со мной! Тут неподалёку.

Женщина привела Потугина к себе, но в дом не пустила.

– Твоя задача – перенести нужник. Новую яму выкопать, а старую засыпать. Приходилось?

Как не приходилось? Сам раньше в деревне жил. И дом свой был, и жена, и двое сыновей. Дети выросли, уехали. Же-

на померла, а потом Нинка-почтальонка окрутила, женила его на себе, дурня старого. Она баба в самом соку, въехала к нему в дом и сразу же хахаля завела. Вместе они Прохора и выгнали. Ненависть уже давно схлынула, осталась только тихая беспомощная обида.

Потугин хлюпнул носом.

– Эй, ты что? Не справишься?

– Справлюсь.

Провозился до вечера. На обед хозяйка его борщом домашним накормила. Давно не едал такого. Горячий, аж дымится, а поверх – кусочки сала плавают – объедение!

Потугин поглощал борщ так, как будто на всю жизнь наесться хотел. Напоследок хозяйка дала ему четвертак, «спасибо» в придачу сказала, и пошёл Потугин обратно на свой вокзал.

Когда привыкаешь, толпа уже не мешает, и шума не замечаешь, и света электрического. Спи себе, никому до тебя дела нет. Вот если бы ещё и менты не беспокоили! Но сержант Ширяев разбудил.

– Эй, Потугин! Давно тебя не видно было.

– Соскучился, что ли?

– Ага, – сержант был совсем молодым и очень нравился сам себе.

– В Питер к сыну ездил.

– А что ж вернулся?

– Сноха выгнала. Сказала: одного алкаша в доме хватает.

– Пьёт, что ли, сын?

– Не то, чтобы сильно…

– Значит, пьёт. Теперь тебя, Потугин, можно на вокзале прописать.

Сержант, довольный своим остроумием, прошёл дальше. Потугин размечтался о том, как его пропишут на вокзале и выдадут талоны. Вот тогда он купит бутылку водки по госцене, и так хорошо ему от этих мыслей стало, что он уснул сном праведника и не просыпался до самого утра.

Сытый ещё от вчерашнего борща, он мучительно хотел курить. Рядом вкусно дымил сигаретой пожилой мужик. Потугин с трудом отвёл глаза и сглотнул слюну – попросить закурить он не мог, гордость не позволяла. Подождал, пока гражданин докурит, выбросит окурок и уйдёт, а потом залез в урну и достал чинарик. Разменивать заработанные деньги было жаль, но пришлось – ноги разболелись, суставы к перемене погоды скрутило. «Кончается бабье лето, скоро холода начнутся», - подумал с тоской.

Аптекарша Сара ему мазь дала вонючую, хорошо помогает. Сказала, что эта мазь сейчас дефицит, но ему, старому знакомому, четыре тюбика найдёт.

Потугин посидел в аптеке, снял свои разбитые сапоги, брючины задрал, мазью больные места натёр.

– Что ж ты к своему младшему жить не пойдёшь? – спросила Сара участливо.

– Пьёт он. – Потугину не хотелось быть откровенным, но

пришлось – в благодарность. – Оба пьют.

– От тебя, стало быть, научились.

– Не учил я их этому. Я, может, хотел, чтобы они институты позаканчивали, в шишки выбились.

– А от чего твоя жена умерла?

– Рак у неё был.

Сара вздохнула, а Потугин вспомнил, как Маша, узнав о своей болезни, сказала: «Это ты виноват! Это от твоих побоев у меня рак!» Он заплакал, как и тогда, десять лет назад. Маша доброй была. Она его простила. Не захотела с собой в могилу обиду уносить.

Душевные в этой аптеке люди. Старик даже хотел благодарность в книгу отзывов написать, только он неграмотный, попросил, чтобы Сара сама написала под диктовку, а он бы подписал. Но Сара засмеялась, махнула рукой:

– Ладно, как-нибудь без твоих похвал проживём!

Когда Потугин уже собрался уходить, Сара его остановила.

– Чуть не забыла тебе сказать!

– Чего?

– У нас в городе дом престарелых открылся.

– Очередь туда, - солидно добавила молодая аптекарша. – У меня знакомая хотела свою бабку туда сплавить, сказали, мест нет, велели через полгода обратиться.

Прохор пожал плечами: уж если нормальным людям трудно туда попасть, то ему и подавно. Он давным-давно привык

считать себя не полноценным человеком, а так, пережитком.

На следующий день Потугин собирался навестить свою хорошую знакомую. Она работала в центре города в пельменной. Прохор иногда её мелкие поручения выполнял. Так вот и подкармливался. Подошёл с чёрного хода. Попросил грудастую посудомойку:

– Позови Варвару Тихоновну.

– Нет её.

– А где ж она?

– В больнице. Инфаркт у неё.

«Довёл-таки сыночек», - подумал Потугин. Этот взрослый амбал нигде не работал, на материнской шее сидел, бил мать. Варя часто жаловалась Потугину на сына. Теперь вот в больнице.

Несколько лет назад Потугин тоже зимовал в больнице. Воспаление лёгких было. Райская жизнь – постель чистая, пища сытная, общество приличное. А вот как эту зиму пережить?

Потугин вспомнил, что сержант Ширяев говорил ему про прописку, и направился на вокзал, прямиком в отделение милиции. Выложил просьбу. Дежурный хохотал от души. У него даже слёзы на глаза от смеха навернулись.

– Ну ты, Потугин, даёшь! На вокзале прописать? Талоны нужны? Кстати, а паспорт у тебя есть?

– Потерял, – соврал Потугин: не будет же он объяснять, что когда-то выменял паспорт на две бутылки водки (обеща-

ли три – обманули).

– Так вот, дед! Слушай. Пока поживёшь у нас, до выяснения личности. А потом мы тебя в дом престарелых определим.

«Слава Богу, - подумал Потугин, не заглядывая далеко вперёд. – Может, зиму протяну, а весной и умереть можно. Весной даже хорошо умереть».

Призвание

Всё началось невесело. Елену Викторовну сократили на работе. Когда женщине за сорок, это трагедия. Тем более поддержки ниоткуда нет – муж давно умер. Дочь – большая девочка, в Москве учится, в институте, а там, сами знаете, деньги на вес считают. Так что пришлось Елене Викторовне всерьёз задуматься: каким путём на жизнь заработать? Да ещё хорошо бы самой, ни к кому не идти, не наниматься.

Что же такого Елена Викторовна умела делать лучше всего, лучше многих, в чём могла бы конкурировать с кем угодно? И её осенило: ну конечно же, всю жизнь она умела врать! Она так это делала, что ей даже свекровь через раз верила, а уж свекровь та ещё штучка, насквозь её видела!

И где же такой редкий талант может пригодиться? – задумалась Елена Викторовна. В политике, наверное. В депутаты можно податься. Только это для тех хорошо, кто побогаче, у кого есть за спиной сильные дяди, которые поддерживают и проталкивают, и дорогу расчищают. У Елены Викторовны таковых в ближайшем окружении не имелось.

Умение приврать, присочинять, придумать то, чего не было, – очень полезное качество в журналистике. Только развились у Елены Викторовны непонятные, неоправданные возможно, комплексы. Всё ей казалось, что корреспондентка – это девочка с блокнотиком. Себя, солидную тётеньку, она в

этой роли никак не видела.

– Слушай, милочка, – сказала Елена Викторовна себе, – а не попытаться ли судьбу предсказывать? Вот с себя и начну.

Она села перед трюмо и внимательно вгляделась в своё лицо.

– Счастливой буду, богатой буду. Эх, была не была, и замуж выйду!

Женщина не совсем поверила своему пророчеству, но на душе у неё немного полегчало.

Листая какую-то газету, Елена Викторовна увидела групповое фото футбольной команды и решила попрактиковаться в своих ясновидческих способностях. Все ребята на подбор, богатыри. И с ними дядька Черномор – тренер их. Достала Елена листок бумаги, села перед ним и, время от времени поглядывая на фото, написала письмо, в котором каждому футболисту персонально судьбу напророчила – славу, удачу, деньги, любовь. А вот тренер ей почему-то сразу не понравился – лысый и усатый, лицо самодовольное, как будто он только что во французском ресторане лягушек ел. Ему Елена написала: «Работу потеряешь, жену потеряешь». Конверт запечатала и отправила на адрес редакции. Попросила ответить, сбудутся ли её прогнозы. Подписалась: Агриппина.

За дело новоявленная ясновидящая взялась, не дожидаясь ответа. Дала рекламу: «Наследственная гадалка Агриппина. Предсказываю будущее. Помогу избавиться от семейных и материальных проблем». И народ пошёл. Сначала она

недорого брала. Много разных случаев было, но сейчас речь не о них.

Елена Викторовна имела свой профессиональный секрет: со своими проблемами люди чаще всего могут справиться сами. Им просто иногда нужно взглянуть на себя и всю ситуацию со стороны, откровенно рассказать обо всём постороннему доброжелательному человеку. А там иногда уже намёка достаточно. Скажешь что-нибудь, вроде как будущее напророчишь, а на самом деле установку делаешь.

Легче всего одиноким женщинам помогать. Они, часто бывает, замуж не выходят, потому что принцев ждут. Вот им и говоришь: «Суженый твой рядом и давно тебя любит. Только ты его не видишь. Присмотрись хорошенько. Чувствую, что он совсем близко. Только робкий он. Подтолкнуть его надо». Женщины приходят потом, благодарят.

Через год Елена Викторовна получила письмо из Москвы. Писал ей тот самый тренер, с которого она начинала. «Ну что, Груша, здорово! («Тьфу, зачем только я так назвалась?») Накаркала, карга старая! («Это я-то старая? А сам какой? Молодчик выискался!») Команда вдрызг продулась и меня с работы выперли. Жена бросила. Посоветуй, что теперь делать?»

«Навязался на мою голову», – подумала Елена Викторовна и, чтобы покончить с ним, ответила: «Уедешь надолго, может быть, навсегда». Сама подумала: «Авось, куда-нибудь в Америку махнет или в Гонолулу, гонолупят тренировать».

Прошло ещё какое-то время. Сидела Елена Викторовна однажды вечером дома. Звонок в дверь. Открыла, а на пороге Черномор собственной персоной. Увидел её и обомлел.

– Грушенька! Я давно хотел с тобой лично познакомиться. Если б не твоё письмо, эти передряги меня бы убили, а так я успел к ним морально подготовиться.

Сказал он, что решил уехать из Москвы в наш Саратов, как-никак отсюда родом. Будет местную команду тренировать, его давно звали. Очень мило побеседовали. А когда попрощались и Елена Викторовна уже дверь за ним закрыла, он вдруг снова позвонил:

– Скажи, Груша, что меня в личной жизни ждёт?

– Да что, – она пожала плечами. – Женишься скоро.

– И на ком, интересно? – Он хмыкнул.

– На мне.

И ведь женился же, не прошло и года. Так что и самое её первое предсказание сбылось. Никуда от судьбы не уйдёшь, особенно когда она в твоих руках.

Девушка с ядром

Вот вы, девчонки, про свои замужества рассказываете, и я про своё расскажу. Начну издалека, с детства. Я была очень закомплексованным ребёнком. И даже не в том дело, что к семнадцати годам мой рост был сто восемьдесят сантиметров – с таким ростом девочки по подиуму ходят, в глянцевых журналах снимаются. А в том дело, что к этим сантиметрам я ещё и весила девяносто килограммов, и сбросить вес, увы, не могла. Ведь это был не жир, уж извините за интимную подробность, не мягкое рыхлое сало, в котором утопает рука. Мои килограммы были тугими мышцами, данными мне от природы, ведь спортом я никаким не занималась.

Однажды вечерком, возвращаясь от подружки, я скучала на остановке. Напротив стоял взрослый мужчина и изредка на меня заинтересованно поглядывал. Я смущалась и от этого злилась. Потом он подошёл ко мне.

– Девушка, не подумайте ничего плохого. Я тренер по лёгкой атлетике. Вы мне очень подходите!

Я улыбнулась, приняв его слова за глупую шутку, неуклюжий флирт. Не успела ничего возразить, как он сказал:

– Нет-нет, не спорьте! Я профессионал, знаю, что говорю.

– Вы что, я хуже всех в классе бегаю! – запротестовала я.

– А зачем бегать? – Мужчина удивлённо приподнял белобрысые брови. – Я предлагаю вам заниматься метанием ядра.

Пришла моя очередь удивляться.

– Ядра? А что это такое?

Кроме как ядра орехов, других ядер я представить не могла. Ещё война бывает ядерная, но это что-то совсем другое.

Оказалось, что есть такой вид спорта, когда бросают металлическое ядро – почти пятикилограммовый шар размером с мяч. Кто дальше бросит, тот и победил. Я даже не знала, что такой вид спорта существует.

Мы познакомились. Виктор Иванович очень настойчиво приглашал меня в спорткомплекс на тренировки и, когда наконец показался мой автобус, вручил мне визитку.

Неделю я думала, а потом решила: попробую. Делать-то все равно особенно нечего, я девушка свободная. Хуже никому не будет. Не понравится, всегда брошу. Хотя бы из любопытства нужно сходить.

Пришла первый раз в спортзал и слегка обалдела. В нашей группе было восемь девушек, я девятая, и, как оказалось, самая стройная и миниатюрная. Не скажу, что это было мне неприятно. И причем девчонки все весёлые, шутят всё время – и над собой, и над Виктором Ивановичем, и над всем на свете.

Стали тренироваться. У меня получается! А тренер хитрый: за каждый мой шаг меня нахваливает. Плохо получилось – он хвалит, хорошо получилось – он восхищается. Я и стараюсь. Сама не пойму, но так это всё как-то само собой складывается, и результаты быстро стали улучшаться. Я и

правда к этому спорту способной оказалась, не ошибся Виктор Иванович. Он сумел сначала интерес во мне пробудить, а уж позже я привязалась. Сейчас-то мне кажется, что нет лучше спорта в мире, чем метание ядра.

С хорошими результатами меня начали привлекать для участия в соревнованиях. Первые победы, первый успех. Ничто лучше так не помогает с комплексами бороться! Меня ровесники уважать стали. Не каждая девчонка по нескольку раз в год в другие города выезжает, и даже за границей бывает. Так я занималась четыре года. Но всё это предисловие, я же начала про замужество.

Мне предстояли ответственные соревнования, а тренера направили на какой-то ответственный семинар, от которого он не мог отказаться. Виктор Иванович сказал, что эту неделю тренировать меня будет его сын, Константин, человек лет двадцати пяти, серьёзный, молчаливый, мастер спорта. Я что? Как тренер скажет. Если он ему доверяет…

Стал со мной Константин работать. Как на девушку он на меня не реагировал. Занимался со мной, будто я солдат. Было немножко обидно, ведь он мне сразу понравился. И по комплекции он мне подходил: и ростом, и по весу, а еще мне нравилось, что он тоже спортсмен. Впрочем, я была молоденькая и очень скромная. Возможно, что ничего у нас бы не получилось, если бы не случайность.

Была уже весна. Май, теплынь. Травка зеленеет, небо голубеет. Мы тренировались на стадионе. Я взяла ядро, раз-

махнулась, как это положено. За мной металлическая сетка полукругом, чтобы шар случайно не вылетел туда, куда не надо. Вдруг у Кости зазвонил сотовый, и он сделал несколько шагов в сторону. Не пойму, как это получилось, один миг, и ядро со всего маху летит прямо ему в грудь.

Костя упал и потерял сознание. Я завизжала не своим голосом. А потом уже плохо помню. Приехала «скорая», моего молодого тренера увезли в реанимацию. Меня, кажется, допрашивали. Всё как в тумане. Когда меня отпустили, я поехала в больницу. У Кости оказались переломаны несколько рёбер. Будь он другой комплекции, этим ядром его бы убило – ужас, страшно подумать! А так обошлось, гора мышц, самортизировало. Врачи мне сказали: «Жить будет, сейчас ему вкололи обезболивающее, он спит».

С тех пор я стала навещать Костю каждый день, а иногда и два раза в день. Даже на соревнования в тот раз не поехала, это очень серьёзно. Он быстро шёл на поправку. Со временем я стала замечать, что он радуется мне, бежит навстречу, интересуется моими делами. Ну и я к нему со всей душой.

Наконец, Константина выписали из больницы. Я очень боялась, что мы с ним видеться больше не будем. Давно вернулся Виктор Иванович, простил меня, тетёху такую. Продолжались наши тренировки. Я скучала по Косте день и ночь, так привыкла к нему, что просто не могла. Никаких разговоров на тему отношений у нас с ним никогда не было, да и быть не могло – по моей вине он пострадал. Плачу ночами

в подушку. Как увижу Виктора Ивановича, всё мне хочется о Косте спросить: как он, что с ним, а я сдерживаюсь, стесняюсь.

Через два месяца после нашей последней встречи Костя пришел в спортзал к концу тренировки, перекинулся парой слов с отцом, а потом подошёл ко мне.

– Привет, Катюха. Знаешь, я по тебе соскучился. Оказывается, мне тебя очень не хватает. Ты бы хоть телефон оставила, а то раз, и исчезла…

Костя стал моим мужем, самым дорогим и любимым человеком на земле, которого я берегу и лелею.

Девчонки, мои подружки по команде, всё шуточки шутили на нашей свадьбе. Говорили:

– Хорошо, Катюха, целилась, а попала бы в голову, тогда б твой муженек столбам улыбался!

Ещё болтали:

– Виктор Иванович, когда тебе сына доверял, не предполагал, что ты так активно действовать будешь!

Смеялись:

– Чего ядро толкать, мучиться? Возьми любой кирпич и атакуй – беспроигрышный вариант для тех, кому жених нужен.

Всех их шуточек не пересказать.

Костик мой только улыбался, такой он хороший. А я отшучивалась:

– Завидуете? Завидуйте!

Прости меня, Дэзи…

Скучный месяц ноябрь – кругом сыро, холодно, серо и тоскливо. Лидия Викторовна разулась в прихожей, сняла пальто, прошла в зал и присела в кресло. В комнате было тепло, а она очень замёрзла, пока добралась домой. Может, её разморило от тепла и усталости, или подействовал корвалол, которого она напилась час назад, только она задремала и даже не почувствовала, что задремала: как сидела, так и сидит на том же месте, и видит – в кресле напротив Дэзи. Молодая, здоровая, такая, какой её любила вся семья – со смешным плоским носам и короткими лапами.

– Ты обиделась? – спросила Лидия Викторовна. – Почему не идёшь ко мне? Подойди, я хочу тебя обнять.

Собака посмотрела внимательно и грустно, а потом сказала:

– Я же так любила вас…

– Дэзи, ты же знаешь, мы тебя тоже очень любили. Володя четырнадцать лет назад тебя принёс… Крохотный толстый щенок-боксёр… Я стала возмущаться:

– У нас двое детей, ты всё время по командировкам. Мне только собаки не хватало!

Только дети в два голоса стали просить:

– Мамочка! Посмотри, какой он милый!

Они сразу начали тебя тискать, целовать и радоваться.

Мариночка тогда ещё в школу не ходила, и Серёжа – на два года младше.

Ты была такой проказливой, помнишь? Мы в прихожей тапки складывали наверх, туда, где у добрых людей шапки лежат, чтобы ты их не погрызла. Смешно так.

– Потом я стала взрослой, а дети ещё оставались детьми.

– Мне никакой другой няньки не нужно было, ты мне помогала детей воспитывать. Выведу вас на улицу, ребятишек на детской площадке оставлю, а сама пойду по своим делам. Так ты чужим взрослым не позволяла близко подходить к песочнице, заодно и других, не наших малышей охраняла. Мамаши не могли своих детей забрать – возмущались.

Лидия Викторовна улыбнулась. Собака нехотя подошла к креслу, на котором сидела хозяйка, и положила голову ей на колени.

– Дэзи, а помнишь, как у тебя заболели зубы?

– Давай не будем о грустном. Зубы мои потом пригодились.

– Да-да, это ты про случай с Серёжкой? Когда он возвращался со школьной дискотеки, на него трое напали возле гаражей. Я ждала его, волновалась, поэтому и гуляла с тобой допоздна. Далековато было, но ты услышала крик, узнала голос и кинулась на помощь, я за тобой еле успевала. Вместе мы хулиганов и разогнали. Но это, наверное, единственный случай был. Вообще-то никто наших ребят не обижал, да они без тебя и не гуляли никогда. Маринка с тобой на свидания

ходила.

– Это поначалу, потом возмущаться стала: «Я с Дэзи гулять не буду!». Потому что я ей целоваться не давала, очень уж мне не нравилось, когда всякие глупые мальчишки начинали её тискать.

Обе примолкли. Потом Лидия Викторовна тяжело вздохнула и сказала:

– Счастливые мы были и сами не понимали, как счастливы. Володя умер, мне самой жить не хотелось. Ведь нестарый был, и не пьяница, а сердце остановилось – слабые наши мужики. Мне бы от горя запереться одной в доме, думать о нём и плакать-плакать… А ты вот так же ко мне подойдёшь и начинаешь мне слёзы с лица слизывать. И гулять с тобой надо, хочешь-не хочешь. Если б не ты, неизвестно, как бы я это горе пережила.

– Зато дети у вас хорошие, и судьба их не обидела.

– Да-да, – согласно кивнула Лидия Викторовна. – Маринка в десятом классе училась, когда прошла конкурс и попала на телевидение, начала молодёжную передачу вести, она же у нас красавица и умница. Не зря её так быстро в Москву переманили. Она тоже по тебе скучала, с тобой по телефону разговаривала. Мы всё смеялись поначалу: ты голос её слышишь, а не видишь, начинаешь нервничать. Потом привыкла.

– А вскоре и Серёженька женился…

– В Саратов переехал, вроде и недалеко, а не каждый день

видимся. И рада я за них, а всё ж таки грустно. Столько лет было в доме шумно и весело, а тут – тишина и пустота. Одна ты у меня осталась, Дэзи, верный мой друг.

– Только и ко мне старость подкралась.

Лидия Викторовна прижала к груди сидевшую около неё собаку и с трудом проглотила комок, который появился в горле.

– Ты, же знаешь, Дэзи, подружка моя милая, хорошая моя, мы всё сделали, что могли, когда ты заболела. От паралича даже людей не всегда вылечить можно, а мы тебя в несколько ветеринарных клиник возили, все назначения выполняли, все лекарства покупали. Наш врач сразу сказал: «Усыпить. Ей ничего не поможет – это старость», а мы боролись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.